

“Задонщина”, Рязань и московская великокняжеская семья

Zadonshchina, *Ryazan, and the* *Moscow Princely* *Family*

**Александр Владимирович
Лаврентьев**

Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики,
Москва, Россия

Alexander V. Lavrentyev

National Research University Higher
School of Economics, Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена вопросам истории и происхождения выдающегося памятника литературы Древней Руси — “Задонщины”, воспевающей победу объединенных сил русских князей над Ордой на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. Приводятся аргументы в пользу рязанского происхождения текста. Предпринимается попытка аргументированно объяснить наличие в тексте двух “главных героев”, великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата Владимира Андреевича Серпуховского. Формальное сопоставление “братьев” стало результатом потерь дома московских князей от чумы, поставившего династию на грань выживания. Эта особенность политической ситуации нашла свое отражение в “Задонщине”.

Ключевые слова

древнерусская литература, XIV век, “Задонщина”, великий князь Дмитрий Иванович, Рязань, Софония Рязанец

Abstract

This paper is devoted to the history and controversies surrounding the outstanding representative of Russian medieval literature from the late 14th century, the famous *Zadonshchina*. This work glorifies the military victory of the united forces

of the Russian troops, led by Grand Prince Dmitry Donskoy, over the Tatar army on 8 September 1380, at Kulikovo Field near the Don River. This article presents arguments in favor of a Ryazan origin of the *Zadonshchina* text; furthermore, the article offers an explanation of the presence in the text of two “protagonists,” Grand Prince Dmitry Ivanovich and his cousin, Vladimir Andreyevich the Bold, Prince of Serpukhov. The joint rule of the “brothers” was a result of deaths caused by the plague in the Moscow ruling house, which took the dynasty to the brink of extinction. This feature of the political situation is reflected in the *Zadonshchina* text.

Keywords

Old Russian literature, 14th century, *Zadonshchina*, Dmitry Donskoy, Ryazan, Sofonia Ryazanets

Я и сама дальняя, — может,
изволили слышать: рязан-
ская, — а тот край еще ниже
будет, в Задонщине.

И. А. Бунин. Баллада

Выдающемуся памятнику древнерусской литературы, поэтическому отклику на победу войск коалиции русских княжеств во главе с Москвой над ордынцами на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. (в некоторых списках присутствует жанровая самохарактеристика сочинения: “сказание”, “слово”, “похвала и жалоба”), посвящена обширная исследовательская литература [Дмитриев 1988: 345–352]. “Задонщина” издана как отдельными списками, дошедшими до наших дней (их, как известно, шесть, разной степени полноты [там же: 345–346]), так и в виде опытов реконструкции архетипного текста [он же 1982: 309].

Предмет настоящей статьи — два сюжета, связанные с автором и одним из главных героев “Задонщины”: Софонией Рязанцем и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским.

В первом сюжете всегда привлекало внимание рязанское происхождение автора, Софонии [Дмитриев 1988: 347–348], по понятным причинам вызывающее некоторое недоумение. “Задонщина” воспекает победу московского князя Дмитрия Ивановича, Рязань же не только не была участницей Куликовской битвы, но и как будто бы находилась в 1380 г. в союзнических отношениях с его врагом, Мамаем. Разрешения этой коллизии исследователи искали в гипотетических перипетиях биографии автора, изначально отказывая Рязани в праве быть родиной “Задонщины”.

Второй сюжет связан с почти повсеместным присутствием в тексте рядом с именем Дмитрия Ивановича имени его двоюродного брата,

серпуховского удельного князя Владимира Андреевича¹. Эта характерная черта “Задонщины”, которую один из исследователей даже счел “необъяснимой” [Соловьев 1958: 193], свойственна, однако, не только ей.

Постоянное совместное упоминание Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича отмечено также в одной из двух редакций летописных повестей о Куликовской битве (в другой, равно как и в многочисленных редакциях “Сказания о Мамаевом побоище”, имя Владимира Андреевича, разумеется, присутствует, но в них Дмитрий Иванович действует в качестве полководца единолично). Речь идет о летописном рассказе о битве, восходящем к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в. [Памятники 1998: 22–23, 47]², и если правы те исследователи, которые считают именно этот текст старейшим летописным рассказом о Куликовской битве, относя протограф к 90-м гг. XIV в. [там же: 47; Мазуров, Никандров 2008: 87], то, наверное, соединение имен двоюродных братьев надо счесть неслучайным, поскольку “Задонщина” датируется почти тем же временем³.

Сопряженность в тексте памятника имен двух несопоставимых по статусу князей расценивается как равновеликий великокняжескому вклад удельного двоюродного брата Дмитрия Ивановича в победу на Дону, что как вызывает сомнения⁴, так и считается “полностью соответствующим реальности” [Мазуров, Никандров 2008: 87].

Если последнее все-таки верно, то поиск в перипетиях гипотетической биографии рязанского автора каких-то следов возможных связей его с Владимиром Андреевичем и серпуховским двором представляется логичным, равно как и наличие у автора неких сервильных мотивов,

¹ “Задонщина великого князя [...] Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Одреевича”, “князь великий Дмитрий Иванович и братъ его князь Володимѣрь Одреевичъ поостриша сердца свои”, “Жаворонок [...] пои славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Одреевичю” [Памятники 1998: 89–90]. Цитируется Кирилло-Белозерский список “Задонщины”, но число примеров можно легко умножить [Ржиги 1959б: 377].

² Оно присутствует в Софийской I летописи старшего извода, являясь “текстологической особенностью этого рассказа о битве” [Памятники 1998: 47].

³ “Ни в самом тексте [...] ни в каких-либо других источниках указаний на время создания ее нет. По совокупности ряда косвенных признаков многие исследователи датируют [“Задонщину”. — А. Л.] 80-ми годами XIV в.” [Дмитриев 1988: 346–347] или даже считают ее созданной не позднее чем через год-два после битвы [Кучкин 1985: 118].

⁴ М. Н. Тихомиров отмечал, например, что “Сказание о Мамаевом побоище”, в тексте которого речь идет о ранении Дмитрия Ивановича в ходе Куликовской битвы и едва ли не переходе управления сражением к Владимиру Андреевичу, содержит “клевету” на великого князя московского [Тихомиров 1959: 370–372]. Если это действительно “клевета”, то речь надо в первую очередь вести о “Задонщине”, согласно которой великий князь не принимает практически ни одного решения, начиная с самого главного, похода навстречу ордынцам, без совета с двоюродным братом.

двигавших сочинителем “похвалы и жалобы” с целью возвысить вклад в победу Владимира Андреевича.

Во многом неясный вопрос с социальным статусом и биографией автора “Задонщины”, которую надо было как-то согласовать с его рязанским происхождением, одновременно объясняя не встречающееся в других памятниках Куликовского цикла регулярное присутствие имени серпуховского князя, зачастую вынуждал исследователей строить остроумные, но громоздкие схемы перипетий биографии рязанского автора сочинения [ШАМБИНАГО 1906: 133–134; Ржига 1959А: 401–403; Соловьев 1958: 184–191].

Как кажется, два вышеозначенных вопроса разрешимы, исходя из исторических реалий XIV в., а ответы на них могут дать дополнительные аргументы в пользу датировки памятника 1380-ми гг. и рязанского происхождения автора.

Имя Софония Рязанца с определениями “старец”, “ереи” присутствует в заглавии двух из известных ныне шести списков “Задонщины” [Памятники 1998: 89, 97], в других списках имя Софония / Софонии⁵ включено непосредственно в текст [там же: 97, 113, 126]. В Тверской летописи под 1380 г. вставлен отрывок, близкий отдельными чтениями к “Задонщине”, где Софония охарактеризован как “рязанец брянский боярин” [ПСРЛ, 15: 440]⁶.

Независимо от отношения этого Софонии к “Задонщине” (высказывались мнения, что он — автор другого поэтического сочинения, посвященного Куликовской битве, или даже, возможно, и не его, а памятника едва ли не XIII в., использованного, как и “Слово о полку Игореве”, анонимным, в таком случае, сочинителем “жалости и похвалы” XIV в. [Дмитриев 1988: 348–349]⁷), а также того, насколько реальны иерейство, иночество и брянское боярство этого рязанца, что не всегда в историографии расценивается как достоверная информация [там же: 348] (существует, кроме всего прочего, гипотеза об идентичности Софонии Рязанца и известного по жалованной грамоте великого князя рязанского Олега Ивановича 1371 г. рязанского боярина Софонии Алтыкулачевича [Ржига 1959А: 404–405]⁸),

⁵ Написания имени колеблются: *Софоний*, *Сафон*, *Ефоний* и пр. [Памятники 1998: 89, 97, 113, 116], но библейская форма имени ветхозаветного пророка — *Софония*. Имя не принадлежит к числу редко встречающихся в эпоху Куликовской битвы, но бытует не в аристократической, а в исключительно крестьянской среде [Wójtowicz 1986: 278].

⁶ “А се писание Софония Рязанца, Брянского боярина”.

⁷ А. А. Горский полагает, что рязанец Софония был автором гораздо более раннего произведения, посвященного не Куликовской битве, а Батыеву нашествию XIII в. [Горский А. А. 1992: 136–137].

⁸ Первым на существование рязанского боярина — тезки Софонии — обратил внимание А. Д. Седелников [1930].

сомнений в рязанском происхождении панегириста московского князя и его двоюродного брата — победителей Мамаю — как будто бы не высказывалось, а имя рязанца Софонии читалось, так или иначе, уже в оригинале памятника [Памятники 1998: 92].

Могло ли быть так, что “жалость и похвала” московскому князю и его “брату” родилась под пером не только уроженца (что как будто бы и без того очевидно), но даже и жителя Рязани и, соответственно, подданного великого князя рязанского Олега Ивановича? Считается, что последнее невозможно, автор “похвалы” мог быть рязанцем только по рождению или по ранним службам, которые к 1380 г. остались в прошлом, а в год Куликовской битвы сочинитель никак со своей “малой родиной” связан не был, служа, очевидно, князьям-победителям, и скорее всего — воспетому почти на равных с Дмитрием Ивановичем Владимиром Андреевичу [Ржигя 1959а: 401].

В то же время в тексте некоторых списков пространной редакции “Задонщины” исследователи находят черты, указывающие на связь автора с Рязанью. Это, во-первых, его знакомство с памятником рязанской литературы — “Повестью о разорении Рязани Батыем” [Лихачев Д. 1978: 366–370; Горский А. А. 1992: 136–137] и, во-вторых, “рязанский патриотизм” сочинителя, выразившийся в полном отсутствии упоминаний в “Задонщине” рязанского великого князя Олега Ивановича [Ржигя 1959б: 392–393]⁹, вроде бы негативного “героя” событий 1380 г., и наоборот, наличие в списке погибших в сражении совершенно мифических “70 бояринов рязанских” [Памятники 1998: 119, 131], в недостоверности чего нет никаких сомнений [Ржигя 1959б: 393]¹⁰.

Как представляется, к Рязани “тянут” не столько рязанские “бояре”, сколько гидронимия и топонимия “Задонщины” (об этом ниже).

Начать же надо с одного существенного момента, касающегося взаимоотношений Москвы и Рязани. Очевидное неучастие Олега Ивановича в битве 8 сентября 1380 г. и даже инкриминируемые ему в некоторых памятниках Куликовского цикла весьма сомнительные с точки зрения логики антимосковские действия вроде нападений на московские полки после победного сражения [Лаврентьев 2011: 34–38, 41–45], а также существование союза рязанского князя с Мамаем¹¹, совершенно не

⁹ Рязанский князь, как известно, антигерой других памятников Куликовского цикла, летописных повестей и “Сказания о Мамаевом побоище”.

¹⁰ “Недоумение вызывает [...] указание на павших рязанских бояр, причем число их превышает число бояр от какого-либо другого города, даже от Москвы. Это явно недостоверное известие об участии рязанских бояр в Куликовской битве может свидетельствовать об использовании в «Задонщине» сочинения о битве, созданного рязанцем” [Памятники 1998: 122–123].

¹¹ “Существование рязанско-ордынского союза в 1380 г., скорее всего, недостоверно” [Памятники 1998: 49].

означали, что взаимоотношения Москвы и Рязани всегда отличались конфронтацией.

Оба великих князя, судя по всему ровесники, вступили на престолы почти одновременно, еще детьми. Дмитрий Иванович родился в 1350 г. [ПСРЛ, 15: 60], Олег Иванович впервые упоминается в 1353 г. малолетним (“молод был”), причем в походе рязанцев на московскую Лопасну [там же: 63]. Однако и до Куликовской битвы, и после нее отношения Москвы и Рязани знали периоды как войны, так и мира.

Если в начале зимы 1371 г. москвичи разгромили рязанцев у Скорнищева (заметим, на территории Рязанского княжества), и на рязанский стол сел пронский князь, двоюродный брат Олега Ивановича и, надо понимать, на тот момент союзник Дмитрия Ивановича [ПСРЛ, 18: 112; 25: 187], то не позднее осени следующего года Олег Иванович уже вернул себе Рязанское великое княжение [ПСРЛ, 15: 431], т. е., так или иначе, помирился с Москвой. По московско-тверскому докончанию 1375 г., Олег Иванович — третейский судья в конфликтных ситуациях, могущих в будущем возникнуть между Москвой и Тверью¹², и поскольку договор заключался по воле московского князя, великий князь рязанский был четыре года спустя после Скорнищева если не союзником Москвы, то во всяком случае лояльным соседом, чему есть как будто бы и еще одно подтверждение.

Через три года после Тверского похода и за два до Куликовской битвы, 11 августа 1378 г., московские полки под личным руководством великого князя разгромили татар на р. Воже. Одним из двух “крыльев” армии Дмитрия Ивановича¹³ командовал единственный участник победного сражения — не москвич, “князь Данилеи Проньскы”. Пронский князь Даниил Владимирович приходился двоюродным племянником Олегу Ивановичу, и его имя упоминается в летописях один раз и только в связи с битвой на Воже [Кузьмин 2007: 80–83; он же 2008: 47].

Потомки черниговских Рюриковичей, с середины XII в. сидевшие в отколовшемся от Черниговского Рязанском княжестве, поделились, в свою очередь, на две ветви — пронскую и собственно рязанскую — только ко времени Батыева нашествия. Политическое противостояние родственных ветвей изначально одного княжеского дома, растянувшееся до середины XV в. — времени, когда Пронское княжество прекратило свое

¹² “А что ся учинит межи нас [...] дело [...] съедутся бояре наши на рубежь [...] а не оуговорятся, ини едут на третии на князя великого на Олга”, “А о чем судьи наши вопчии сопрутся, ини едут на третии на князя великого на Олга” [Кучкин 2003: 342].

¹³ “И удари на нихъ [татар. — А. Л.] с одну сторону Тимофеи [Вельяминов. — А. Л.] околничии, а с другую сторону князь Данилеи Проньскы, а князь велики [Дмитрий Иванович. — А. Л.] удари въ лице” [ПСРЛ, 15: 134].

существование, войдя в состав рязанского удела [Флоря 1978: 182–184; Лаврентьев 2011: 145–146], — не мешало тем не менее в случае необходимости объединять военные силы для противодействия татарам. Так, в 1365 г., после нападения Тагая на Переяславль, столицу Рязанского княжества, татар преследовала и разгромила “под Шишевским лесом” объединенная рязанско-пронская рать [ПСРЛ, 15: 80], хотя о нападении ордынцев на Пронский удел летопись не сообщает. Во время нашествия на Русь Ольгерда в 1370 г., “другой литовщины”, пронский князь Владимир Дмитриевич, отец участника битвы на Воже, Даниила Пронского, выдвигался на помощь Москве за Оку, в Перемышль, “а с нимъ рать рязанская” [там же: 94; здесь и далее выделено мною. — А. Л.]¹⁴, надо думать, включавшая в себя и собственно пронские, и рязанские полки. Передачу командования “ратью” пронскому князю объяснить затруднительно.

Возвращаясь к вопросу об участии Даниила Пронского в битве на Воже в составе армии Дмитрия Ивановича, отметим, что обычная практика ведения военных действий на Руси заключалась в том, что в составе объединенных вооруженных сил, ведомых великим князем, удельные князья командовали собственными полками [Пресняков 1918: 56–57].

Состоял ли полк пронского князя в 1378 г. только из собственной дружины Даниила Владимировича, вряд ли многочисленной и явно несопоставимой с рязанской? Восемью годами ранее именно появление за Окой объединенных пронско-рязанских вооруженных сил заставило Ольгерда пойти на переговоры о мире¹⁵. Сражение 1378 г. происходило не на пронских землях¹⁶, а на территории Великого княжества Рязанского¹⁷, так что есть основания полагать, что рязанцы принимали участие в битве на Воже.

Аргументом в пользу участия рязанцев в сражении на стороне Москвы служит также тот факт, что вскоре после победы, “тое же осени”, Рязанское княжество подверглось страшному разгрому, учиненному Мамаем [ПСРЛ, 15: 135].

Если это действительно был карательный поход Орды в отместку за проигранное годом раньше сражение¹⁸ (во время татарского набега

¹⁴ В Симеоновской летописи “рать князя Олга Рязанского” [ПСРЛ, 18: 110].

¹⁵ “И то слышавъ Олгердь и убо я ся и нача мира просити” [ПСРЛ, 15: 34].

¹⁶ Пронское княжество размещалось в среднем течении р. Прони, правого притока Оки. Верховья Прони и ее низовья, как до Батыева нашествия, так и после него входили в состав владений великих князей рязанских [Насонов 1951: 211; Морозов 1988: 299–300].

¹⁷ “О побоищи на реце на Воже в Рязанской земли” [ПСРЛ, 18: 126]; ср.: “Того же лета [...] князь великий Дмитрей Ивановичъ [...] поиде в землю Рязанскую и сретесе с татары на реце на Вожи” [ПСРЛ, 25: 199].

¹⁸ Симеоновская летопись прямо увязывает набег на Рязань с разгромом на Воже: “И разгнева же ся зело Мамай и възъярися злобою и тоя же осени [...] поиде ратью [...] изгономъ на Рязанскую землю” [ПСРЛ, 18: 127].

Олег Иванович скрылся за пределами своего княжества, на противоположном рязанскому московском берегу Оки, под защитой, надо понимать, московского князя¹⁹), то участие рязанцев в битве 11 августа 1378 г. выглядит вполне логичным. В таком случае пронский князь Даниил Владимирович, возможно, командовал в 1378 г., как и его отец в 1370 г., объединенной ратью Пронского и Рязанского княжеств.

О неучастии Рязани в сражении 8 сентября 1380 г. говорилось выше. По результатам Куликовской битвы летом 1381 г. было заключено московско-рязанское dokonчание, лишившее Рязань суверенитета и части территорий и позднее вызвавшее всплеск военных действий между княжествами. Но в 1385–1386 гг. между великими князьями был установлен “мир вечный” [ПСРЛ, 15: 151], скрепленный год-два спустя браком дочери московского князя Софии Дмитриевны и сына рязанского князя Федора Ольговича [Лаврентьев 2011: 101]²⁰. Последние годы жизни Дмитрий Донской находился не только в мирных отношениях с Рязанью, но и тесно породнился с Олегом Ивановичем.

Таким образом, никаких идейных препятствий для создания рязанцем, подданным Олега Ивановича, похвалы московскому князю — свату великого князя рязанского — после заключения “мира вечного” 1385 г. и свадьбы 1386–1387 гг. не существовало. Не существовало их в любом случае и позже: отношения между рязанским тестем и московским зятем вплоть до кончины первого в 1402 г., похоже, ничем не омрачались, равно как и отношения между севшим “на Рязани” после кончины отца великим князем Федором Ольговичем и его московским свояком, великим князем Василием Дмитриевичем — вокняжение первого отмечено заключением в ноябре 1402 г. нового московско-рязанского договора [ДДГ: 52–54].

Точно так же не было никаких препятствий для перемещения рязанских бояр в Москву и наоборот, если возвращаться к гипотетической биографии Софонии. Так, после убийства в 1356 г. в Москве тысяцкого А. П. Хвоста несколько бояр “отъеха” из Москвы в Рязань, откуда вернулись по призыву отца Дмитрия Донского, великого князя Ивана Ивановича через два года [ПСРЛ, 18: 99]. Известны и случаи перехода бояр на службу от одного князя к другому [Сметанина 1995: 58, 65].

¹⁹ “И то же осени [Мамай. — А. Л.] собравъ остаточную силу свою [...] поиде [...] вборзе безъ вести изгонюмъ на Рязанскую землю. Князь же Олегъ не приготовился бе и не ста противу ихъ [...] но [...] перебежа за Оку” [ПСРЛ, 15: 135].

²⁰ Инициатором “вечного мира” и брака был, скорее всего, великий князь московский. Когда после “другой литовщины” Ольгерд “восхоте вечного миру” с Москвой, то именно он выступил инициатором брака своей дочери и серпуховского князя, “хотя дати дщерь свою за [...] Володимера Андреевича, еже и бысть” [ПСРЛ, 15: 34].

Среди бояр Олега Ивановича одним из первенствующих был некто Семен Федорович Ковыла, по утверждению родословных книг, выехавший служить великому князю рязанскому из Москвы [там же: 58]²¹, надо думать, от Дмитрия Ивановича.

Два слова о “семидесяти боярах рязанских”, сложивших, согласно “Задонщине”, головы в Куликовской битве, в которой рязанцы, напомним, не участвовали. Может быть, имеется в виду рязанцы, павшие на Воже — в ранних московских летописях обе битвы иногда объединены в единую статью [ПСРЛ, 18: 126]. Но, как представляется, этому во всех отношениях неожиданному компоненту повествования “Задонщины” может быть дано и иное объяснение.

Список погибших в сражении аристократов, суммарно несколько сотен, в который входят и 70 рязанских бояр, возможно, представляет собой не реальное исчисление потерь²², а этикетный мотив “похвалы и жалости”, исключительно литературный пассаж, в котором не стоит искать реального содержания.

На самом деле, достаточно взглянуть на этот список:

40 бояринов московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимировских, 8 бояр суздальских, 40 бояр муромских, 70 бояр резанских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можаиских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких²³, —

чтобы убедиться в двух моментах. Во-первых, исчисление потерь зачастую произведено автором “круглыми” цифрами, кратными пяти или десяти, что свидетельствует скорее в пользу “литературного” происхождения этих цифр, во-вторых, в природе не существовало, например, одновременно тридцати новгородских посадников²⁴, равно как и двенадцати князей белозерских²⁵.

²¹ В других родословных росписях рязанский боярин именуется Кобылой Вислым [Лихачев Н. 2007: 270–271]. Не состоял ли этот рязанский Ковыла-Кобыла Вислый в родстве с московскими потомками боярина московских князей середины XIV в. Андрея Ивановича Кобылы — предка, в частности, Романовых?

²² На основе этих данных даже предпринимались попытки вычислить цифру участников сражения [Урланис 1960: 38–40; Кирпичников 1982: 302–303].

²³ Цит. по списку В. М. Ундольского [Памятники 1998: 119], содержащему “наиболее полный текст памятника и имеющему очень важное значение для реконструкции его древнего вида” [там же: 110]. См. также: [Дмитриева 1966а: 209–210].

²⁴ С середины XIV в. в Новгороде избиралось всего шесть пожизненных посадников [Янин 2003: 271–277, 293].

²⁵ “На фантастичность этой цифры (“какая нелепость!”) обратил внимание еще Н. М. Карамзин [Карамзин 1993: 249]. В год битвы достоверно известны

Чаще всего в этом списке фигурируют “бояре”. Если “Задонщина” понимает под ними членов боярской думы — вполне сложившегося к этому времени “правительственного совета князя удельного”, “личный состав высшего управления в княжестве удельного времени” [Ключевский 1902: 123, 127, 129], (такowymi гипотетически могли быть, например, “40 бояр серпуховских”, думцев князя Владимира Андреевича²⁶ или даже “20 бояр переславских”²⁷), — то число бояр великих и удельных князей XIV–XV вв. было, в известных нам случаях, во-первых, значительно меньше приводимых “Задонщиной” значений [там же: 129–130]²⁸ и, во-вторых, если речь действительно идет о членах великокняжеской или княжеских дум, то непонятно, кто такие были “бояре коломенские”, “звенигородские”, “володимерские” и др. — города эти не были центрами уделов и не имели своих князей и дум при них²⁹.

Так что и с этой точки зрения к списку погибших русских аристократов, помещенному в “Задонщине”, логичнее относится как к литературному пассажи, подчеркивающему масштабы и кровопролитность сражения.

только два белозерских князя, павшие, кстати, в сражении на Куликовом поле [Экземплярский 1891: 164–165].

²⁶ Бояре серпуховского князя упоминаются в его духовной грамоте 1410 г. [ДДГ: 19–21] и в летописном рассказе о “розмирии” между двоюродными братьями 1389 г. [ПСРЛ, 18: 138], о котором ниже.

²⁷ Перешедшему после литовского похода 1379 г. на московскую службу “съ бояры своими” трубчевскому князю Дмитрию Ольгердовичу великий князь “дасть [. . .] градъ Переяславль и со всеми его пошлинами” [ПСРЛ, 18: 129].

²⁸ Вообще мифологизация числа бояр не была чертой только “Задонщины”. В известной жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю 1371 г. упоминается легендарное пожалование трех рязанских князей предыдущего столетия той же обители, данное ими с тремястами боярами, по сотне на каждого князя [АСЭИ: 351], и, как заметил Б. А. Романов, Олег Иванович с его скромным десятком-другим “думцев” XIV в. “совсем пигмей на фоне феерии XIII в., поражающей своими масштабами” [Романов 1940: 212]. Впрочем, если под “боярами” понимать не только членов думы, то их количество, полагает А. Ю. Дворниченко, “не должно удивлять” — автор считает, что в документе говорится не столько о боярах, сколько о “боярских родах” [Дворниченко 1996: 302]. Но и род с таким количеством одновременно здравствующих однородцев мужского пола — это нечто, не поддающееся объяснению.

²⁹ Известны летописные упоминания о присутствии бояр в городах Великого княжества Московского. Так, в 1372 г. в принадлежавшем Москве Дмитрове великим князем тверским были пленены некие бояре, надо думать, московские, а в 1385 г. в московской же Коломне Олегом Ивановичем Рязанским были пленены московские бояре [ПСРЛ, 15: 99, 151]. Характерно, что оба пленения пришлось на пасхальные торжества, первое “по Велице дни на Фомину неделю”, т. е. в первое воскресенье по Пасхе, второе “на Лазареву субботу”, т. е. за неделю до праздника. Относительно Коломны высказывалось предположение, что московские бояре оказались в городе в это время в связи с изъятием великокняжеских доходов с города, производившемся регулярно как раз “на Велик день”, что было дополнительным стимулом для рязанцев захватить город именно в эти дни [Лаврентьев 2011: 62–63]. Не связано ли появление московских бояр, плененных тверичами, в Дмитрове с такими же фискальными целями?

Теперь о соседстве в “Задонщине” имен великого князя московского Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, зачастую (о чем писалось выше) заставлявшем исследователей напрямую связывать автора с двором серпуховского князя. Сочинителем “Задонщины”, как представляется, точно учтен не столько реальный ход принятия политических и военных решений перед и во время Куликовской битвы, о которых мы можем только догадываться (будем помнить, что “Задонщина” — все-таки литературный памятник, а не отчет о битве), сколько династическая ситуация, сложившаяся в доме наследников Калиты к 1380 г., “братство” двоюродных братьев, их своеобразное соправительство.

Древнерусское *брат* (именно так в “Задонщине” Дмитрий Иванович обращается к Владимиру Андреевичу), наиболее употребительное определение среди родственных названий, не знало степеней родства (родной, двоюродный, троюродный), но в любом случае означало равноправие “независимых владетелей, которых соединяет [. . .] общее происхождение от единого родоначальника” [Галяшкин 1898: 244]. Еще в домонгольское время определение “брат” стало на Руси термином “внутренней междукняжеской дипломатии” [Пашуто 1984: 15].

“Братство” Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича было рассчитано на “внешнее” предъявление, декларировало особые отношения двоюродных братьев в первую очередь перед соседями. Докончания с другими великими князьями великий князь московский заключал не только от своего имени, но и от имени “брата”, и это ссылка не на родство, а на статус Владимира Андреевича, в связи с чем, например, удельный серпуховской князь оказался “братом” аж великим князьям тверскому Михаилу Александровичу и рязанскому Олегу Ивановичу [Хорошкевич 1980б: 170–175].

В Рогожском летописце Владимир Андреевич дважды титулуется “князем Московским” [ПСРЛ, 15: 90, 99], причем, что характерно, в ситуациях, когда “брат” действовал на международной арене от имени великого князя. В первом случае, в 1368 г. “князь Володимерь Андреевич Московъский ходилъ въ Новгород Великий псковичемъ на помочь” с целью, как полагает В. А. Кучкин, повлиять в интересах Москвы на отношения Новгорода с Орденом [Кучкин 2003: 113, 217], а три года спустя “князь Володимер Андреевич Московский оженися оу князя оу великаго оу Олгерда”.

Как известно, великие князья владимирские считались суверенами Великого Новгорода, но сами там не “сидели”, со времен Калиты посылая в Новгород своих сыновей. Дмитрий Иванович женился в 1366 г., В. Н. Татищев сообщает, что ровно в год поездки Владимира Андреевича у великого князя родился первенец [Мазуров 2012: 13], который,

естественно, ни с какой миссией послан быть не мог. Что же до женитьбы 1370 г., то брак этот формально скрепил мир не между серпуховским удельным князем и Литвой, а между Литвой и Москвой.

Зримым воплощением “братства” было совместное “держание” внуками Калиты Москвы. Столица княжения Дмитрия Ивановича считалась совместной вотчиной двоюродных братьев [Хорошкевич 1980б: 171; Мазуров, Никандров 2008: 72–76], в которой Владимир Андреевич, брат (повторимся, не родной, а двоюродный) и формально держатель собственного удела, владел третью.

Этот опыт совместного управления Москвой XIV в. был востребован вплоть до XVI в. Устраивая в духовной грамоте на случай своей кончины отношения между сыновьями — царевичами Иваном и Федором Ивановичами, — Грозный в 1572 г. ссылался на давний опыт своего предка по разделению полномочий: старший “держит на Москве большого своего наместника по старине”, младший — “другого наместника [. . .] на трети на княж Володимерской Андреевича Донского на Москве ж” [ДДГ: 434].

Возвращаясь в эпоху Дмитрия Донского, заметим, что внутри семьи отношения между “братьями” в то же время оставались в рамках привычных норм взаимоотношений “брата старейшего” — великого князя, и удельного “брата молодшего”. Осенью 1364 – в начале зимы 1365 гг. двоюродные братья заключили первый договор, регламентировавший это неравенство в отношениях. Обязательство действовать “заодин” при решении всех внутримосковских и внешнеполитических вопросов [Кучкин, Романенко 2004: 672] не отменяло освященного традицией изначального неравенства договаривающихся сторон: Владимир Андреевич — “брат молодшии” Дмитрию Ивановичу. Каждый князь чеканил свою монету с титулами, соответственно, “великого князя” и “князя” [Орешников 2006: 115–116].

Есть, однако, в первом договоре одно положение, отличающее его от двух сохранившихся до наших дней следующих, заключенных двоюродными братьями в 1372 и 1389 гг. (о них ниже). В 1364–1365 гг. Дмитрий Иванович, несмотря на то, что он серпуховскому князю “во отца место” и “братъ старейшии”, держит “брата молодшего” “въ братстве” [ДДГ: 20] — формула для междукняжеских докончаний уникальная [Кучкин 1998: 47].

“Братство” двоюродных братьев было урезано в пользу старшего в 1372 г. [он же 2007а: 73–77; он же 2007б: 7–8] и закончилось в последний год жизни Дмитрия Донского (1389) “розмирием” между соправителями и лишением серпуховского князя части владений [он же 1979: 114; он же 2004: 675]. Весной этого же года, 25 марта, был заключен

очередной, третий договор, лишивший серпуховского князя статуса “брата” по отношению к великому князю — теперь “братом” и, соответственно, политической рѳвней Владимира Андреевича является второй сын Дмитрия Ивановича, Юрий Дмитриевич [ДДГ: 31]. А в духовной скончавшегося 19 мая того же года великого князя московского Дмитрия Ивановича Владимир Андреевич — уже не вотчинный владелец Москвы, а держатель “своеи” трети, т. е. удельный князь [Хорошкевич 1980б: 171–173].

Что вызвало столь странную, не имеющую в московском доме потомков Калиты аналогов³⁰ политическую конструкцию, как “соправительство” — статусное “братство” даже не родных, а двоюродных братьев при очевидном и юридически закреплённом первенстве Дмитрия Ивановича, так или иначе завершившееся в 1389 г. возвращением к обычному порядку взаимоотношений князей московского дома? Рискнем предположить, что в основе ее была ситуация, связанная с потерями в семье Калитовичей от чумы, а инициаторами — митрополит Алексей и дядя серпуховского князя, великий князь Иван Иванович, отец Дмитрия Донского.

В 1353 г. до Руси докатилось общеевропейское бедствие, “черная смерть”, пандемия чумы, несколькими волнами прошедшая по Европе и за полстолетия унесшая от половины до трех пятых населения континента [Ливи Баччи 2010: 111–122]³¹. На Руси, как и в Европе, болезнь повторялась с определенной периодичностью, до конца XIV в. пройдя через десять эпидемических волн [Дѐрбек 1895: 3–4, 15–27].

Как и в Европе, на Руси “морь”³² был воспринят современниками как фатальное бедствие³³, и вряд ли последствия чумы на востоке континента, о которых мало что известно, были менее разрушительными, чем на западе.

³⁰ Соправительство предполагало равные права соправителей на престолонаследование, к чему в династии московских Калитовичей “на протяжении всего XIV в. ни разу не возникало юридических и фактических оснований» [Александров и др. 1995: 82]. Ср. также анализ правового положения брата великого князя Василия Васильевича, Юрия Васильевича и старшего сына Ивана III, Ивана Ивановича Молодого, рассматривавшихся авторами через призму соправительства [Александров и др. 2003: 62–73].

³¹ “Похоже [. . .] потери нигде не были меньше, чем треть населения [. . .] а где-то оказывались намного больше [. . .] от половины до двух третей” [Ле Гофф 2008: 243].

³² В русских летописях XIV в. обозначается как *морь*, современное же название болезни в России появилось довольно поздно: “Пагубный подарок [. . .] который до того известен [. . .] был под именем моровой язвы, а тогда [речь идет об эпидемии 1771 г. — А. Л.] в п е р в ы е чумою начал называться” [Болотов 1993: 7].

³³ “Увы мне! Како могу сказати беду ту грозную и тугу страшную [. . .] како везде [. . .] печаль горька, плачь и рыдание, крикъ и вопль, слезы неутешимы. Плакахуса живи по мертвыхъ, понеже умножися множество мертвыхъ. И въ граде мертвые и въ селехъ, и въ домехъ [. . .] и во храмехъ и у церквиъ” [ПСРЛ, 15: 77].

Мор выкосил московскую великокняжескую семью, семьи ростовского и тверского князей [ПСРЛ, 15: 79]. Как отметил В. А. Кучкин, как раз в годы детства Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, на которые пришлось первые удары чумы, после смерти в 1353 г. Семена Ивановича, двух его сыновей и, месяц спустя, князя Андрея Ивановича, отца Владимира Андреевича, кончины шесть лет спустя, в 1359 г., наследовавшего Семену Ивановичу великого князя Ивана Ивановича и вступления на престол малолетнего Дмитрия Ивановича [там же: 68; 18: 98], московский великокняжеский дворец превратился “в дом вдовых великих княгинь” [Кучкин 1979: 105] при двух малолетних внуках Калиты. Московские Калитовичи, как видим, к этому времени находились на грани династического кризиса.

После кончины отца Дмитрий Иванович поехал в Орду за великокняжеским ярлыком, которого не получил, и к “царю” будущий герой Куликовской битвы ездил, в отличие, например, от дяди, Семена Ивановича, один, без “братии”³⁴. Но уже три года спустя, когда московский князь “сперся о великомъ княжении” с будущим тестем, Дмитрием Константиновичем Суздальским, он действовал с “братьею”, родным младшим братом Иваном Ивановичем и двоюродным Владимиром Андреевичем, и сел на великокняжеском столе во Владимире при их, разумеется, формальном участии и в их же символическом присутствии³⁵ (Семен Иванович в 1340 г. “седе [...] на столе въ Володимери въ велицей соборней церкви” как будто бы без братьев [ПСРЛ, 15: 53]).

Великокняжеская “братия”, похоже, изначально состояла из двух князей, Владимира Андреевича и Ивана Ивановича, но 23 октября 1364 г. от чумы скончался старший в статусном отношении из “братии” и самый младший из трех — родной брат великого князя, “Ивашко дитя” [там же: 76–78]³⁶. Таким образом, великокняжеская “братия” сократилась до одного “брата”, Владимира Андреевича. Очевидно, сразу по кончине князя Ивана Ивановича, осенью 1364 – в начале зимы 1385 гг., и, возможно, в связи с очередной потерей в великокняжеском доме, по благословению митрополита Алексея двоюродные братья заключили первый договор³⁷, о котором писалось выше.

³⁴ “Тое же весны [...] пошел во Орду князь Семень Ивановичъ на великое княжение, а с нимъ братиа его князь Иванъ и Андреи” [ПСРЛ, 15: 53]; “По Коулпе царствова Навроусъ. Къ нему же первое прииде князя великого сынъ Ивана Ивановича Дмитрей” [ПСРЛ, 15: 68].

³⁵ “Тое же зимы князь велики [...] съ своею братиею съ княземъ с Ываном Ывановичемъ и съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ [...] иде ратию на Переславль” [ПСРЛ, 15: 72]; “Тое же зимы [...] князь Дмитрей Ивановичъ съ братьею съ княземъ Иваномъ и Володимеромъ [...] въеха въ Володимеръ и седе на великомъ княжении” [ПСРЛ, 15: 73].

³⁶ В Рогожском летописце известие повторено дважды.

³⁷ На связь кончины Ивана Ивановича Младшего и составления договора обратил внимание В. А. Кучкин [1998: 41–43, 63].

К началу первого большого совместного предприятия двоюродных братьев, строительства белокаменных московских стен в 1366 г., старшая ветвь князей московского дома давно пресеклась. Единственными наследниками великого деда были два князя, почти ровесники из второй и третьей ветвей рода, избегшие кончины от чумы, внуки Калиты от второго и третьего по старшинству сыновей (у Владимира Андреевича был старший брат, Иван, но и он умер, вероятно, тоже от чумы в 1358 г. [ПСРЛ, 25: 180]).

Еще прежде жизни великого князя в Москве в 1353 г., болезнь унесла “на единой недели” жизни не только двух его сыновей, Ивана и Семёна Семеновичей, но и митрополита Феогноста [ПСРЛ, 15: 62], которому наследовал митрополит Алексей, выдающийся государственный и церковный деятель Руси. Возможно, он связал двух родных и двоюродного братьев, до кончины от чумы 23 октября 1364 г. князя Ивана Ивановича образовывавших некое подобие триумvirата, а потом дуумvirата, какими-то взаимными обязательствам на случай смерти одного из них, дабы при любом ходе событий оставить за Москвой владимирское великое княжение³⁸, на которое в это время, впервые за много лет и не без успеха, претендовали Нижний Новгород и Тверь [Кучкин 1979: 105; Мазуров, Никандров 2008: 72]. Вплоть до 1389 г., когда судьба московского стола уже не вызывала опасений, Дмитрий Донской (к моменту кончины — отец пяти сыновей) [Мазуров 2012: 12–20], придерживался, так или иначе, этих обязательств по отношению к “брату” князю Владимиру Андреевичу и только на пороге смерти решительно пересмотрел их³⁹.

Великий князь умер 19 мая 1389 г. Возможно, первые недружественные акции великого князя по отношению к “брату” и “розмирие” великого князя с Владимиром Андреевичем, отнесенные летописью к зиме — началу весны этого же года (“тое же зимы и того же мясоеда передъ великимъ заговейномъ” [ПСРЛ, 15: 155]), по времени совпали с отмеченным летописью недомоганием Дмитрия Ивановича [там же: 155], и когда великому князю “легчае”, 25 марта 1389 г., был подписан новый, третий договор с Владимиром Андреевичем, серьезно меняющий статус серпуховского князя.

³⁸ Ср.: “Место Владимира Андреевича оставалось все время его правления во второй страте (“удельные князья”) политической элиты Руси. Переход на самый высокий уровень (“великие князья”) был для него возможен лишь в самых исключительных обстоятельствах, например, ранней смерти Дмитрия Донского” [Мазуров и др. 2008: 72].

³⁹ Второй из трех сохранившихся договоров между двоюродными братьями, лета 1372 г., дошедший с большими потерями в тексте, по наблюдениям В. А. Кучкина, впрочем, уже содержал некие пункты, направленные на понижение статуса Владимира Андреевича [Кучкин 2007а: 7–8].

В связи с историей “Задонщины” особого внимания заслуживает имя, полученное серпуховским князем при крещении, — *Владимир*.

Он первым среди потомков Ярослава Всеволодовича, великих и удельных князей Северо-Восточной Руси, носил крестильное имя Владимир⁴⁰, получив его в честь крестителя Руси, память которого отмечается 15 июля [Мазуров, Никандров 2008: 259]⁴¹. Если последнее — очевидный факт, то ясно, что великий князь киевский Владимир Святой должен был уже в 1358 г. поминаться под своим языческим (мирским) именем, в то время как крещен он был Василием и именно под этим именем продолжительное время почитался русской церковью [Успенский 2004: 73, 83, 92–93; Литвина, Успенский 2006: 497–502].

Свидетельство самого раннего церковного поминовения крестителя Руси под именем Владимир в Москве относятся, однако, не к 50-м, а только к 80-м гг. XIV в. Это его древнейшее изображение на одном из известнейших памятников раннемосковского искусства, т. н. пелене Марии Тверской, самым прямым образом связанной с серпуховским князем, на что обратил внимание Б. А. Успенский [2004: 83]. На воздухе, вышитом в Москве в 1389 г.⁴² по заказу вдовой великой княгини Марии Александровны, жены скончавшегося в 1353 г. Семена Ивановича, изображены свв. Дмитрий Солунский и великий князь Владимир Святославич — небесные покровители великого князя Дмитрия Ивановича и его соправителя, удельного князя Владимира Андреевича, что уже давно замечено исследователями.

Летописный рассказ о рождении будущего серпуховского князя как будто бы свидетельствует, что в 1358 г. 15 июля, в день его рождения, св. Владимир церковью не поминался: “Того же лета [6862. — А. Л.] [. . .] месяца иуля въ 15 день на память святую мученику Кирика и Улиты князю Андрею Ивановичю родися сынъ и нареченъ бысть князь Володимеръ на сорочины отца своего князя Андрея на третей недели по Петрове дни” [ПСРЛ, 15: 63–64]⁴³. В

⁴⁰ Кроме того, Владимиром звали, например, старшего современника московских князей — соправителей и их союзника, пронского князя Владимира Ярославича-Дмитриевича (ум. в 1372 г.), отца сражавшегося в 1378 г. на Воже в составе московской армии пронского князя Даниила Владимировича, но совершенно не ясно, было это имя крестильным или “княжьим” [Экземплярский 1891: 628–631].

⁴¹ Ср.: “Со 2-й пол. XIV в. почитание Владимира Святого активно поддерживается московским великокняжеским домом. Во имя Владимира Святого был крещен серпуховской князь Владимир Андреевич, родившийся 15 июня 1353 г.” [Назаренко 2004: 702–703; ПЭ 2004: 703].

⁴² Шитая летопись не содержит указания на месяц (“В лето 6897 нашить [. . .] воздух [. . .]”) [Евсеева и др. 2005 2005: 112]), поэтому корректней будет датировать пелену мартом 1389 — февралем 1390 г. по мартовскому стилю, принятому в XIV в.

⁴³ Как известно, 15 июля датируется знаменитая Невская битва 1240 г. Характерно, что Новгородская I летопись старшего извода (эта часть пергаменной рукописи

то же время 15 июля — действительно день почитания равноапостольного князя Владимира Святого, неясно только, когда он им стал в русской церкви [Литвина, Успенский 2006: 496–497].

“Наречение” новорожденного князя, о котором говорит летописный рассказ, — отдельный церковный обряд, предшествующий крещению, и имянаречение (или назнаменование [Булгаков 1993: 955–961]) Владимира Андреевича датировано “сорочинами” отца, Андрея Ивановича (князь скончался “того же лета месяца иуня въ 6” [ПСРЛ, 15: 63–64]), — поминовением усопшего на сороковой день после кончины⁴⁴, т. е. действительно 15 июля [Мазуров, Никандров 2008: 259].

В чем заключался смысл имянаречения? Давая в 1419 г. разъяснения псковскому духовенству, правильно ли поступают приходские священники, если “жене, родившей дитя, докелы [. . .] не крещает дитяти, дотолы [ей. — А. Л.] не дают молитвы очистительныя”, митрополит Фотий писал, что “неподобно сие [. . .] отнудь” — после рождения ребенка священник обязан прийти в дом роженицы, дать очистительную молитву “родительницы и женам, прилучившимся на рожении том” и после этого “да [. . .] наречет имя [. . .] младенцу”, крестить же его можно и позже, “егда изволят родителя” [ПДРКП: 416]. Владимира Андреевича “нарекли”, что нашло отражение в летописи, на следующий день после появления на свет, и, скорее всего, быстро крестили, что в условиях чумы и при очевидной угрозе кончины младенца, даже если он родился здоровым⁴⁵, было оправданно.

Надо отметить, что имя *Владимир* и позднее, в XV в., в Северо-Восточной Руси не только давалось нечасто, но и не входило в круг аристократических имен [Wójtowicz 1986: 191] и получило некоторое распространение в боярской и дворянской среде только в XVI в. [ПЭ 2004: 704].

Кто было то духовное лицо, что посетило роженицу на следующий день после появления младенца, дабы дать очистительную молитву княгине и

датируется ок. 1330 гг.) относит сражение к “июля в 15, на память святого Кюрика и Улиты, в неделю на Соборъ Святыхъ Отець 630, иже в Халкидоне” и эта же летопись младшего извода (основное ядро памятника сформировалось в 1-й четверти XV в.) датирует сражение уже “в неделю на Соборъ Святыхъ Отець 600 и 30 иже в Халкидоне, на память святыхъ мученикъ Кирика и Улиты и святого князя Владимира, крестившаго Русскую землю” [ПСРЛ, 3: 77, 292].

⁴⁴ “Сорочины” — одно из четырех поминовений усопшего, завершающее сорокадневное творение по нем молитв [Новая скрижаль 1992: 434–435]. Ср.: “Русские печалются о своих мертвецах шесть недель” [Олеарий 1996: 329].

⁴⁵ Крещение ставилось в прямую зависимость от состояния здоровья младенца, “а дети здоровыхъ до 40 дни не крестятъ, аще больно толко родиться” [Смирнов 1913: 102]. Ср. епитимии родителям младенцев, скончавшихся некрещеными, “аще дитя 7 дни некрещено умереть не болевъ, не дать за се опитемии. Аще же болно, в небрежении [. . .] оумреть некрещено, год опитеми. Аще минуло 6 недель, а умрет некрещено, 3 лета опитеми” [Смирнов 1913: 91].

наречь ребенка? Последнее особенно интересно, ибо в данном случае выбор имени не мог исходить от отца, которого сын никогда не видел.

Роль опекуна родившегося 15 июля уже сиротой князя, судя по всему, выполнял тот же митрополит Алексей. Имя *Владимир* князю должен был выбирать, очевидно, именно он. У вдовой простолюдинки опекуном обычно был приходской священник, и о его роли как опекуна вдов при малолетних детях мы кое-что знаем, хотя и не применительно к XIV в. [Цатурова 1991: 53–54] С митрополитом дело обстоит сложнее, тем более что свт. Алексей, как и прочие митрополиты, не был духовником великого князя и его семьи [Смирнов 1913: 245–246, 249–250]⁴⁶. Во всяком случае, благовещенские протопопы станут таковыми не ранее конца XV в. [там же: 250].

Если вышенаписанное верно, то именно митрополиту Алексею мы обязаны началом почитания крестителя Руси под его “княжим” именем *Владимир* в московской великокняжеской семье.

Владимир Андреевич родился и прожил первые шесть лет в княжение дяди, великого князя московского Ивана Ивановича (1353–1359 гг.). Перед кончиной своей духовной грамотой дядя значительно расширил удел племянника–“братанича”, а также передал ему треть в доходах с Москвы (князь Андрей Иванович получал четверть), что В. А. Кучкин объяснял отстранением Владимира Андреевича от дележа владений вдовы Симеона Гордого, Марии Александровны, после кончины великого князя [Кучкин, Романенко 2004: 671–672]. Может быть, речь шла не только о неких компенсациях, но и о материальной поддержке статуса будущего “брата”, о котором думали заранее?

Возвращаясь к “Задонщине”, отметим, что в ней воспет общий предок двоюродных братьев, “прадед”, в иных списках “дед”, князь “Владимир Киевский, царь русский”⁴⁷, “святой великий князь Владимир Киевский” [Памятники 1998: 89, 97, 112, 126]⁴⁸. Никакой ошибки здесь

⁴⁶ По Эклоге, опека и попечительство в греческой церкви возлагались на духовное начальство в тех случаях, когда завещатель не оставлял на этот счет каких-то специальных распоряжений [Неволин 1875: 392]

⁴⁷ Титул “царя” присутствует при имени великого князя киевского в двух из шести списков “Задонщины” [Дмитриева 1966а: 215].

⁴⁸ В послании 1441 г. великого князя московского Василия Васильевича константинопольскому патриарху Митрофану фигурирует “благочестивый царь Руския земли Владимир” [Успенский 2004: 79]. “Новым царем Константином” называет князя Владимира, предка Дмитрия Донского, анонимное Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича (“Внукъ [. . .] великого князя Ивана Даниловича събирателя Руские земли и корени святого [. . .] великого князя Володимера, новаго царя Костянтина [. . .] сродникъ [. . .] новых чудотворцевъ Бориса и Глеба” [ПСРЛ, 15: 216], памятник рубежа XIV–XV вв. [Прохоров, Салмина 1989]. Кстати, “царем” Слово о житии неоднократно называет и самого Дмитрия Ивановича [Горский А. А. 2001: 133].

нет, но, если автор “Задонщины” хотел подчеркнуть родство двоюродных братьев через “деда”, логичнее было бы упоминать, как подметил А. В. Соловьев, прямых предков князей: Всеволода Большое Гнездо, Александра Невского или, на худой конец, Калиту [Соловьев 1958: 195–196], а не оперировать именем малозначимого политически для Москвы киевского князя Владимира. Не мог быть этот пассаж заимствован и из “Слова о полку Игореве”, использовавшегося автором “Задонщины”. Дважды упомянутый в “Слове” “старый Владимир” может быть и Владимиром Святославичем, и Владимиром Мономахом [Творогов 1995: 209–210]⁴⁹.

Другое дело, если с самого рождения Владимиру Андреевичу, “ангелом” которого, вне всякого сомнения, был креститель Руси, готовилась какая-то особая роль на случай кончины от чумы двоюродного брата: с этой точки зрения выбор имени не был случайностью. Таким образом, присутствие в рассказе “Задонщины” о Куликовской битве рядом с именем великого князя имени его двоюродного брата в статусе “брата” — скорее всего, в первую очередь этикетный мотив, отражающий реалии политической жизни Московского княжества времени Куликовской битвы, которые автор “похвалы и жалости” не мог не учитывать. Другой вопрос — реальное участие серпуховского князя в битве и его вклад в победу 8 сентября 1380 г. Кажется очевидным, что “Задонщина” не может быть безоговорочным аргументом в пользу равновеликого вклада князей-соправителей в разгром Мамая.

Если вышеприведенные соображения верны, то датировка “Задонщины” 80-ми годами XIV в. может быть сужена до 1385–1387 гг. — исхода марта 1389 г., времени между установлением московско-рязанского “мира вечного”, породнившего две великокняжеские семьи, и возвращением великокняжеского “брата” Владимира Андреевича в статус удельного князя, закрепленного договором 25 марта 1389 г.

Теперь несколько слов о “рязанских реалиях” памятника. О мифических участниках битвы из Рязани речь шла выше, но, как представляется, в тексте “Задонщины”, особенно в сопоставлении с летописными повестями, есть довольно любопытные “рязанские” черты, буквально лежащие на поверхности и, надо думать, связанные с рязанским происхождением автора.

Начать надо с самого заглавия “Задонщина”, утвердившегося за “похвалой и жалостью”. Оно читается только в одном, но самом раннем списке, представляющем краткую редакцию текста, — Кирилло-Белозерском:

⁴⁹ Впрочем, сам автор допускает, что “название Дмитрия и Владимира правнуками Владимира Киевского подсказано [автору «Задонщины». — А. Л.] упоминанием в «Слове» «старого Владимира»”.

“Писание Софония старца резанца Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича” [Памятники 1998: 89].

Как помним, название “Слова о полку Игореве” — несколько измененный парафраз первых строк сочинения⁵⁰, “Задонщина” же начиналась фразой, никакой отсылки к Дону не имеющей: “Снидемся, братия и дружи [. . .] составим слово к слову” [Творогов 1966а: 526–532; 1966б: 293].

Считается, что “Задонщиной” текст назвал автор краткой редакции, монах Ефросин (вторая пол. XV в.) [Каган и др. 1988: 232]⁵¹, что вполне логично хотя бы потому, что такого термина нет ни в самом тексте памятника, ни в редакции Ефросина, ни в прочих списках, да и о переправе московских полков “за Дон”, что могло бы как-то объяснить появление названия, ни один из списков “Задонщины” не сообщает. Такое известие есть в летописных повестях, и нет никаких сомнений, что переправа имела место⁵², но в любом случае очевидно, что Ефросин не мог дать название сделанной им переработке “похвалы и жалобы”, опираясь на текст памятника.

Как представляется, ближе к истине мнение Д. С. Лихачева, полагавшего, что “Задонщина” — название не литературного произведения, а описанного в нем события, и придумано такое название битвы не Ефросином [Лихачев Д. 1966: 474–475]. Если “Задонщина” — наименование боестолкновения по географическому расположению места, где оно произошло⁵³, то понятно, что в заглавии Кирилло-Белозерского списка иноком зафиксировано существовавшее в его время (в конце XV в.), надо думать, расхожее на тот момент название сражения, вытесненное позднее благодаря сверхпопулярности у читателя более употребимым “Сказанием о Мамаевом побоище”.

Возможно, первоначально “Задонщина” было не единственным определением битвы 8 сентября 1380 г. Тому же кирилло-белозерскому монаху Ефросину принадлежат, например, выписки из монастырского

⁵⁰ “Слово о плъку Игореве. . .” — “Не лепо ли ны бяшеть [. . .] начати [. . .] повестий о плъку Игореве. . .” [СПИ 1950: 9].

⁵¹ В остальных списках памятник озаглавлен как “похвала”, “слово”, или “сказание” о сражении, выигранном московским князем и его двоюродным братом [ПАМЯТНИКИ 1998: 97, 112, 126].

⁵² О стратегическом значении переправы через Дон см.: [Амелькин и др. 2009: 172–173].

⁵³ “В лето 6896 мая 19 преставися князь велики Дмитреи Ивановичъ по Задонщине на осмой годъ” [Памятники 1998: 91]. Цитируемый заключительный фрагмент “Задонщины” в Кирилло-Белозерском списке представляет собой краткие летописные записи, “извлеченные из другой рукописи Ефросина” [Памятники 1998: 94].

летописца, в которых сражение 8 сентября 1380 г. названо “Мамаевчиной” [КАГАН и др. 1988: 232], причем и это наименование Куликовской битве тоже дано не Ефросином, а бытовало ранее составления им своей редакции “Задонщины” [Зимин 1950: 25; КИСТЕРЕВ 2008:121].

“Мамаевчина” — термин происхождения уже не географического и тоже позднее XV в., похоже, не употреблявшийся, но имеющий исторические параллели в XIV в. Сходные по форме названия военных действий, “Ольгердовщина” [ПСРЛ, 4/1: 276]⁵⁴ и “Литовщина” [ПСРЛ, 15: 88, 94]⁵⁵, известны русскому летописанию и подразумевают походы великого князя литовского Ольгерда на Москву и Новгород. Второе название сражения, известное Ефросину, как видим, образовано от имени собственного предводителя нападавших.

В связи с “Задонщиной” уместно вспомнить о других военных предпрятиях, уже XV в., получивших схожие по конструкции названия: “Белевщина” и “Суздальщина”.

В 1439 г. армия московского великого князя Василия Васильевича, ходившая походом на татар к верховьям Оки, под Белев, была разгромлена и понесла тяжелые потери [ПСРЛ, 25: 260]. Событие это современники и потомки называли “Белевщина”, и операция надолго запомнилась на Руси не только понесенными под Белевом серьезными потерями, но и в силу неординарного характера дальнего похода за пределы государственных границ Великого княжества Московского [ГОРСКИЙ А. Д. 1972: 54–55]. “Суздальщиной” же современники называли разгром ханом Улу-Мухаммедом армии московского князя Василия Васильевича Темного под Суздалем 7 июля 1445 г. [ПСРЛ, 26: 210].

Итак, “Задонщина” — одно из двух названий сражения 8 сентября 1380 г., бытовавших столетие спустя после битвы и зафиксированное Ефросином в заглавии переписанного и отредактированного им сочинения о битве, ср.:

Известно, что исторически первой формой ориентирования является [...] такая, при которой автор [...] находится в центре обозреваемого им мира [...] отсюда такие категории как “за”, “дальше”, “ближе” [...] понятны только, если знать точку отсчета [...] в рамках такой системы ориентирования возникают характерные топографические названия типа Заволочье, Заозерье, З а д о н щ и н а, Завеличье [...] и другие [ПОДОСИНОВ 1978: 46–47].

Где же была “точка отсчета” для места сражения, названного Задонщиной? Понятно, что “за Доном” по отношению к автору⁵⁶.

⁵⁴ “Того же лета Олгердовщина”.

⁵⁵ “О первой Литовщине”, “О другои Литовщине”.

⁵⁶ Ср. запись на полях того же сборника, в который Ефросин внес свою редакцию “Задонщины”: “В лето 6888 сентября 8 в среду бои был за Д о н о м ъ”

Рискнем предположить, что “Задонщина” — название битвы рязанского происхождения, имеющее в виду взгляд на поле сражения с левого, рязанского берега Дона. Куликово поле на самом деле расположено “за Доном”, на правом берегу реки, по отношению к Рязани (неслучайно в XV – начале XVI вв. левый, рязанский берег реки назывался “сей” стороной [Хорошкевич 1980а: 99]), а не Москве.

Верховья Дона, независимо от конкретной ситуации 1380 г., издавна были частью владений великих князей рязанских [там же: 92–93]⁵⁷, но, тем не менее, самое раннее письменное известие о существовании рязанских владений на правом берегу реки относится только к началу XV в. Его содержит статья Никоновской летописи о разгроме татарами Ельца в сентябре 1414 г.: “по Задонью реки” от набега пострадал не только Елецкий удел, но и некие “власти рязанския”, судя по контексту, волости Рязанского княжества, соседствовавшие с Ельцом [ПСРЛ, 11: 225]. Если северной границей Елецкого княжества считать правый приток Дона, р. Красивую Мечу [Тропин 1992: 37; Горский А. А. 2004: 87–88], тоже, кстати, в “Задонщине” упоминаемую, то разгромленные татарами рязанские верхнедонские “власти”, т. е. волости, причем не одна, должны были находиться по соседству, выше впадения Мечи по течению Дона, т. е. вблизи места сражения 1380 г.

По наблюдениям С. М. Каштанова, в Московском княжестве волости по существу были тождественны уездам, будучи изначально фискальными единицами [Каштанов 1982: 175–177, 181–182, 189]. Так что летописное “Задонье” XV в. и название поэмы XIV в. “Задонщина”, возможно, связаны единством рязанского географического взгляда на место битвы — правобережье Дона, на котором разыгралось сражение.

Характерно, кстати, что московско-рязанское докончание лета 1381 г. характеризует место битвы как “на Дону”, а не “за Доном”⁵⁸, а во всех вариантах летописного рассказа о битве, прямо или косвенно связанных происхождением с Москвой, он озаглавлен как “побоище”, произошедшее “на Дону” [Памятники 1998: 9, 30, 65]. Собственно, и прозвище великого князя Дмитрия Ивановича, появившееся, правда, не ранее XVI в. [Хорошкевич 1980а: 100–101], звучит как “Донской”, а не “Задонский”.

“Задонщина” не содержит никаких пейзажных описаний места сражения 8 сентября 1380 г., в отличие от летописных рассказов о Куликовской битве, описывающих его как “поле чисто и велико зело [. . .] на

[ДМИТРИЕВА 1966б: 264]. В кратких летописных сводах XV в. “сеча злая” локализуется “за Дономъ на усть Непрядвы” или просто “за Дономъ” [ЛС 1955: 305; Зимин 2008: 25,32].

⁵⁷ Автор считает их по ситуации на 1380 г. ордынскими.

⁵⁸ “[. . .] князь велики Дмитрий и братъ, князь Володимерь, билися на Дону с татари” [Кучкин 2003: 344].

усть Непрядвы”, “поле чисте”, “чисто поле въ Ординскыя земля части на усть Непрядвы реки” [там же: 9, 22, 73–74], и т. п.

Современные палеогеографические исследования показывают, что летописные рассказы недостоверны, поле битвы по ситуации на XIV в. было в значительной степени покрыто лесами [Гласко и др. 2005: 244–247; Гоняный и др. 2007: 93]. Лесные массивы здесь, кстати, сохранялись и много позднее. Согласно писцовым книгам Епифанского уезда начала 70-х гг. XVI и XVII вв. (в него территориально входило историческое место сражения, “Дон усть Непрядвы”), места эти покрыты широколиственными лесами — “дубровами”, “дубровами пашенными”, “лесами дубровными”, в том числе на правом берегу реки (“от усть речки Непрядвы от Дону вверх по Непрядве дубровы в длину 7 верст, а поперег в версту”) [ПКМГ 1877: 1585–1588, 1595; Куликово поле 1999: 11–16, 18–22, 24–27, 31, 44, 49–52, 59, 64, 66, 71–77, 102, 104–107; Некрасов 1914: 273–274].

Скорее всего, “поле чисто” летописных рассказов о битве, расположенное южнее Оки — не реальное описание места “побоища”, а расхожий образ и стандартная характеристика степного русского пограничья, некая его легендарная ипостась, нашедшая в более позднее время отражение в иностранных описаниях России, делавшихся, как правило, не по собственным впечатлениям авторов, а со слов современников-россиян⁵⁹.

Столь же литературны в летописных рассказах и далеки от реалий описания Дона в районе места битвы. В них сообщается о том, что Дмитрий Донской “повеле мосты мосятити чрес реку Донъ и бродовъ пытати” [Памятники 1998: 57]. Ширина Дона ниже впадения в него Непрядвы не превышает 20–25 метров, глубина же такова (1–1,5 м), что не требует строительства мостов и поиска бродов, поскольку реку можно перейти практически в любом месте [ФСГКР 1999: л. 37–90 (14-37-090) “Куркино”; 2000: л. 37–78 (14-37-078)]⁶⁰.

Автор “Задонщины”, наоборот, знал место сражения не понаслышке. Во-первых, оно обозначено конкретным топонимом *Поле Куликово*, встречающимся в тексте постоянно [Памятники 1998: 91, 100, 101, 115, 117, 128, 129, 130], и то, что оно находится “в Рязанской земли” “около Дону” [там же: 101, 116]⁶¹, также хорошо известно автору [Хорошкевич 1980а:

⁵⁹ Ср. напр.: “Между [. . .] татарскими и московскими границами лежит большое [. . .] поле; в нем не увидишь ничего, кроме неба и земли [. . .] только траву” [Послание 1922: 57; Замысловский 1884: 209].

⁶⁰ Этими данными автор обязан любезности зам. директора музея-заповедника “Куликово поле” А. Н. Наумова.

⁶¹ Ср. определение места битвы как “земля ихъ [татар — А. Л.] за Дономъ” в летописных повестях о сражении [Памятники 1998: 22].

97–98]. Сам топоним *Куликово поле*, скорее всего, рязанского происхождения и вряд ли был известен в XIV в. за пределами княжества, о чем собственно “Задонщина” и свидетельствует.

Как локальный географический объект, Куликово поле появляется в общерусском летописании только в 1-й половине XVI в. в связи с военными операциями правительственных войск против крымских татар [Лаврентьев 2005: 41–42]. В последней четверти XV в. значительная часть территории Великого княжества Рязанского, включая ее дальнюю южную часть, правобережье Верхнего Дона с Непрядвой, перешла к Москве [он же 2011: 134–162], и топоним *Куликово поле* перестал быть принадлежностью только Рязани, каковым он был во времена Задонщины.

Характерно, что позднее, в XVI–XVII вв., Куликово поле понималось уже не как локальный объект в верховьях Дона при впадении в него Непрядвы, а как “громадная территория водораздела Оки и Дона”, значительно превышающая историческое “Дон усть Непрядвы” как на север, так и на юг [Кучкин 1980: 17–18], “необлесенная местность южнее тульских засечных лесов [. . .] его южной границей могла служить р. Красивая Меча” [Фомин 1999: 37]. Сомнительно, чтобы в XIV в. “Куликово поле” понималось столь же расширительно, как и в XVI–XVII вв. [там же: 36–37].

Еще один “внешний” взгляд на географию “Задонщины”: владения великого князя Дмитрия Ивановича называются “Залесской землей”, что характерно только для “похвалы и жалости” и отсутствует и в летописных повестях, и в “Сказании о Мамаевом побоище” [Дмитриева 1966а: 208]. Раздел “Залесские грады” “Списка русских городов дальних и ближних”, близкого по времени составления к “Задонщине”, на самом деле включает в себя суздальско-нижегородские, московские, новгородские и псковские “грады”, “земли образующейся Московской Руси” [Тихомиров 1979: 124], причем “рязанские грады” в “Списке” идут предшествующим “Залесским” блоком. Топоним *Залеская земля* относительно владений Калитовичей — не самоназвание, а взгляд на них извне [Подосинов 1978: 47–48], в том числе, наверное, и из Рязани.

Очень показателен другой, совершенно местный, рязанский, топоним “Задонщины”, согласно которой татары перед сражением стояли “межи Чюровым и Михайловым” [Памятники 1998: 98, 113]. Здесь имеется в виду искаженное название города Чур-Михайлов, нареченного именем одного из пронских князей, Кир-Михаила [Шватченко 1990: 97–100]⁶². Располагавшийся приблизительно тридцатью кило-

⁶² Автор отмечает наличие топонима только в “Сказании о Мамаевом побоище”, памятнике позднем и испытывавшем влияние более ранней “Задонщины” [Дмитриев 1966: 392–393].

метрами ниже впадения в Дон Непрядвы на противоположном, левом берегу реки, Чур-Михайлов перестал существовать еще в XIII в., но при Олеге Ивановиче продолжал оставаться самой южной точкой владений Рязани на правобережье Дона — до “Чюр Михайлова” в 1389 г. ехавшего в Царьград митрополита Пимена провожала дружина великого князя рязанского [Лаврентьев 1999: 42].

Наконец, Непрядва-река постоянно упоминается в “Задонщине” в связке с Куликовым полем [Памятники 1998: 91, 100, 115, 117, 128, 129, 130]. Более чем скромная речка местного значения (течение всего 45 км, ширина при впадении в Дон около 20 м), в отличие от Дона, реки “общерусского” значения, в летописных повестях Непрядва упоминается только один раз, в Новгородской IV летописи [там же: 36], вполне вероятно, попав в летописный текст через “Задонщину”.

Таким образом, топонимия битвы в “Задонщине” — *Куликово поле, Непрядва, Чур-Михайлов* — вряд ли была широко известна в XIV в. за пределами Рязанского княжества. Описание места битвы в ней гораздо более конкретно, скорее всего, потому, что текст (или его источник) принадлежал уроженцу Рязани.

Библиография

Источники

АСЭИ

Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв., 3, Москва, 1964.

Болотов 1993

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 3, Москва, 1993.

Булгаков 1993

Булгаков С. В., *Настольная книга для священно-церковнослужителя (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства)*, 2, Москва, 1993.

ДДГ

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв., Москва, Ленинград, 1950.

Куликово поле 1999

Фомин Н. К., сост., *Куликово поле: документы по землевладению XVII в.*, Тула, 1999.

ЛС 1955

Насонов А. Н., подг., *Летописный свод XV в. (по двум спискам) (= Материалы по истории СССР, 2: Документы по истории XV–XVII вв.)*, Москва, 1955.

Морозов 1988

Морозов Б. Н., “Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома”, в: *Археографический ежегодник за 1987*, Москва, 1988, 298–309.

Новая Скрижаль 1992

ВЕНИАМИН, АРХИЕП., *Новая Скрижаль*, 2, Москва, 1992.

ОЛЕАРИЙ 1996

ОЛЕАРИЙ А., *Описание путешествия в Московию*, Москва, 1996.

Памятники 1998

РЫБАКОВ Б. А., ред., *Памятники Куликовского цикла*, С.-Петербург, 1998.

ПДРКП

Памятники древнерусского канонического права (= Русская историческая библиотека, 6), С.-Петербург, 1880.

ПКМГ 1877

Писцовые книги Московского государства, 1: *Писцовые книги XVI в.*, Москва, 1877.

Послание 1922

“Послание Иоганна Таубе и Эллерта Крузе”, *Русский исторический журнал*, 8, 1922, 29–59.

ПСРЛ, 3

Полное собрание русских летописей, 3: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, 2000.

———, 4/1

Полное собрание русских летописей, 4/1: *Новгородская четвертая летопись*, Москва, 2000.

———, 11

Полное собрание русских летописей, 11: *Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью*, 3-е изд., Москва, 2000.

———, 15

Полное собрание русских летописей, 15: *Рогожский летописец. Тверской сборник*, 3-е изд., Москва, 1965.

———, 18

Полное собрание русских летописей, 18: *Симеоновская летопись*, С.-Петербург, 1913.

———, 25

Полное собрание русских летописей, 25: *Московский летописный свод конца XV века*, Москва, Ленинград, 1949.

———, 26

Полное собрание русских летописей, 26: *Вологодско-Пермская летопись*, Москва, Ленинград, 1959.

СПИ 1950

АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ В. П., ред., *Слово о полку Игореве*, Москва, Ленинград, 1950.

ФСГКР 1999

Федеральная служба геодезии и картографии России. Московское аэрогеодезическое предприятие, Москва, 1999.

———, 2000

Федеральная служба геодезии и картографии России. Московское аэрогеодезическое предприятие, Москва, 2000.

Литература

АЛЕКСАНДРОВ И ДР. 1995

АЛЕКСАНДРОВ Д. Н., МЕЛЬНИКОВ С. А., АЛЕКСЕЕВ С. В., *Очерки по истории княжеской власти и самоуправления на Руси в XI–XV вв.*, Москва, 1995.

———, 2003

АЛЕКСАНДРОВ Д. Н., МЕЛЬНИКОВ С. А., БЛЕДНЫЙ С. Н., *Великокняжеская власть в Средневековой Руси. Очерки истории и права*, Москва, 2003.

АМЕЛЬКИН И ДР. 2009

АМЕЛЬКИН А. О., СЕЛЕЗНЕВ Ю. В., “К вопросу о форсировании князем Дмитрием Ивановичем Дона 7 сентября 1380 г.”, в: *Верхнее Подонье: Археология. История*, 4, Тула, 2009, 170–174.

ГАЛЯШКИН 1898

ГАЛЯШКИН Я., “Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории)”, в: *Издания Исторического общества при Императорском Московском университете. Рефераты, читанные в 1896 и 97 гг.*, 2, Москва, 1898, 240–259.

ГЛАСКО И ДР. 2005

ГЛАСКО М. П., ГОЛЬЕВА А. А., СЫЧЕВА С. А., БУРОВА С. В., “Ландшафты Донского побоища: возвращение утраченного”, в: *Куликово поле и Донское побоище 1380 г.* (= Труды ГИМ, 150), Москва, 2005, 227–256.

ГОНЯНЫЙ И ДР. 2007

ГОНЯНЫЙ М. И., АЛЕКСАНДРОВСКИЙ А. Л., ГЛАСКО М. П., *Северная лесостепь бассейна Верхнего Дона времени Куликовской битвы*, Москва, 2007.

ГОРСКИЙ А. А. 1992

ГОРСКИЙ А. А., “Слово о полку Игореве” и “Задонщина”. *Источниковедческие и историко-культурные проблемы*, Москва, 1992.

———, 2001

ГОРСКИЙ А. А., “Всего еси исполнена земля Русская. . .” *Личности и ментальность русского средневековья. Очерки*, Москва, 2001.

———, 2004

ГОРСКИЙ А. А., “Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси”, в: *Средневековая Русь*, 5, Москва, 2004, 114–190.

ГОРСКИЙ А. Д. 1972

ГОРСКИЙ А. Д., “Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV–XV вв.”, в: *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*, Москва, 1972, 48–58.

ДВОРНИЧЕНКО 1996

ДВОРНИЧЕНКО А. Ю., “О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю”, в: *Средневековая и новая Россия*, С.-Петербург, 1996, 296–306.

ДРЪБЕК 1895

ДРЪБЕК Ф. А., *История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени*, С.-Петербург, 1895.

ДМИТРИЕВ 1966

ДМИТРИЕВ Л. А., “Вставки из «Задонщины» в «Сказании о мамаевом побоище»”, в: “Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла. *К вопросу о времени создания “Слова”*, Москва, Ленинград, 1966, 385–439.

———, 1982

ДМИТРИЕВ Л. А., “История Памятников Куликовского цикла”, в: *Сказания и повести о Куликовской битве*, Д. С. Лихачев, ред., Москва, 1982, 306–359.

———, 1988

ДМИТРИЕВ Л. А., “Задонщина”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI в.*, 1, Ленинград, 1988, 345–353.

ДМИТРИЕВА 1966а

ДМИТРИЕВА Р. П., “Взаимоотношения списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве»”, в: “Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла. *К вопросу о времени написания “Слова”*, Москва, Ленинград, 1966, 199–263.

——— 1966б

Дмитриева Р. П., “Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка)”, в: *“Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания “Слова”*, Москва, Ленинград, 1966, 264–291.

ЕВСЕЕВА и др. 2005

ЕВСЕЕВА Л. М., ЛИДОВ А. М., ЧУГРЕЕВА Н. И., *Спас Нерукотворный в русском искусстве*, Москва, 2005.

ЗАМЫСЛОВСКИЙ 1884

ЗАМЫСЛОВСКИЙ Е. Е., *Герберштейн и его историко-географические известия о России*, С.-Петербург, 1884.

ЗИМИН 1950

ЗИМИН А. А., “Краткие летописцы XV–XVII вв.”, в: *Исторический архив*, 5, Москва, Ленинград, 1950, 3–39.

КАГАН и др. 1988

КАГАН М. Д., ЛУРЬЕ Я. С., “Ефросин”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV–XVI в.*, 1, Ленинград, 1988, 227–236.

КАРАМЗИН 1993

КАРАМЗИН Н. М., *История государства Российского*, 5, Москва, 1993.

КАШТАНОВ 1982

КАШТАНОВ С. М., “Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот”, в: *Исследования по истории и историографии феодализма*, Москва, 1982, 173–188.

КИРПИЧНИКОВ 1982

КИРПИЧНИКОВ А. Н., “Великое Донское побоище”, в: *Сказания и повести о Куликовской битве*, Д. С. Лихачев, ред., Москва, 1982, 291–306.

КИСТЕРЕВ 2008

КИСТЕРЕВ С. Н., “Ефросин и «роуский летописец»”, в: *Летописи и хроники*, Москва, С.-Петербург, 2008, 94–123.

КЛЮЧЕВСКИЙ 1902

КЛЮЧЕВСКИЙ В. О., *Боярская дума Древней Руси*, Москва, 1902.

КУЗЬМИН 2007

КУЗЬМИН А. В., “Князья Пронские, бояре Монастыревы и князья Кусаковы — участники битвы на р. Воже в 1378 г. и их потомки в XV–XVI вв. (Историко-генеалогическое исследование)”, в: *Верхнее Подонье: Природа. Археология. История*, 2/2, Тула, 2007, 80–89.

——— 2008

КУЗЬМИН А. В., “Рязанские, пронские и муромские князья в XIII – середине XIV вв. (историко-генеалогическое исследование)”, в: *Записки отдела рукописей РГБ*, 53, Москва, 2008, 35–50.

КУЧКИН 1979

КУЧКИН В. А., “Сподвижник Дмитрия Донского”, *Вопросы истории*, 8, 1979, 104–116.

——— 1980

КУЧКИН В. А., “Победа на Куликовом поле”, *Вопросы истории*, 8, 1980, 3–21.

——— 1985

КУЧКИН В. А., “К датировке Задонщины”, в: *Проблемы изучения культурного наследия*, Москва, 1985, 113–120.

——— 1998

КУЧКИН В. А., “Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским”, в: *Звенигород за шесть столетий*, Москва, 1998, 11–64.

- 2003
Кучкин В. А., *Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры*, Москва, 2003.
- 2007а
Кучкин В. А., “Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (27), 2007, 60–77.
- 2007б
Кучкин В. А., “Договор 1372 г. великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским (окончание)”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (28), 2007, 5–22.
- Кучкин, Романенко 2004
Кучкин В. А., Романенко Е. В., “Владимир Андреевич”, в: *Православная энциклопедия*, 8, Москва, 2004, 671–676.
- ЛАВРЕНТЬЕВ 1999
ЛАВРЕНТЬЕВ А. В., “К истории Верхнего Дона в XIV–XVI вв.”, в: *Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля*, Москва, Тула, 1999, 40–72.
- 2005
ЛАВРЕНТЬЕВ А. В., *Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.*, Москва, 2005.
- 2011
ЛАВРЕНТЬЕВ А. В., *После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв.*, Москва, 2011.
- ЛЕ ГОФФ 2008
ЛЕ ГОФФ Ж., *Рождение Европы*, С.-Петербург, 2008.
- Ливи Баччи 2010
Ливи Баччи М., *Демографическая история Европы*, С.-Петербург, 2010.
- ЛИТВИНА, УСПЕНСКИЙ 2006
ЛИТВИНА А. Ф., УСПЕНСКИЙ Ф. Б., *Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропониимики*, Москва, 2006.
- ЛИХАЧЕВ Д. 1966
ЛИХАЧЕВ Д. С., “О названии «Задонщина»”, в: *Исследования по отечественному источниковедению*, Москва, Ленинград, 1966, 474–475.
- 1978
ЛИХАЧЕВ Д. С., “«Задонщина» и «Повесть о разорении Рязани Батыем»”, в: *Древняя Русь и славяне*, Москва, 1978, 366–369.
- ЛИХАЧЕВ Н. 2007
ЛИХАЧЕВ Н. П., *Разрядные дьяки XVI века*, С.-Петербург, 2007.
- МАЗУРОВ 2012
МАЗУРОВ А. Б., “Семья великого князя Дмитрия Донского”, в: *Куликовская битва в истории России*, 2, Тула, 2012, ?–?.
- МАЗУРОВ, НИКАНДРОВ 2008
МАЗУРОВ А. Б., НИКАНДРОВ А. Ю., *Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв.*, Москва, 2008.
- НАЗАРЕНКО 2004
НАЗАРЕНКО А. В., “Владимир (Василий) Святославич” <исторические сведения>, в: *Православная энциклопедия*, 8, Москва, 2004, 690–703.
- НАСОНОВ 1951
НАСОНОВ А. Н., “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства, Москва, 1951.

НЕВОЛИН 1875

НЕВОЛИН К. А., *Полное собрание сочинений*, 3, С.-Петербург, 1875.

НЕКРАСОВ 1914

НЕКРАСОВ П. П., "Очерки по истории Рязанского края в XVII в.", *Журнал Министерства народного просвещения*, 50/4, 1914, 272–313.

ОРЕШНИКОВ 2006

ОРЕШНИКОВ А. В., *Русские монеты до 1547 г. и материалы к истории русской нумизматики доцарского периода*, Москва, 2006.

ПАШУТО 1984

ПАШУТО В. Т., "Опыт периодизации истории русской дипломатии (ранний и развитой феодализм)", в: *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1982, Москва, 1984, 6–25.

ПОДОСИНОВ 1978

ПОДОСИНОВ А. В., "О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних»", в: *Восточная Европа в древности и средневековье*, Москва, 1978, 40–48.

ПРЕСНЯКОВ 1918

ПРЕСНЯКОВ А. К., *Московское царство*, Петроград, 1918.

ПРОХОРОВ 1989

ПРОХОРОВ Г. М., САЛМИНА М. А., "Слово о жити и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго", в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая пол. XIV–XVI вв.*, 2, Ленинград, 1989, 403–405.

ПЭ 2004

"Владимир (Василий) Святославич" <история почитания>, в: *Православная энциклопедия*, 8, Москва, 2004, 703–706.

РОМАНОВ 1940

РОМАНОВ Б. А., "Элементы легенды в жалованной грамоте вел. кн. Олега Ивановича Рязанского Ольгову монастырю", в: *Проблемы источниковедения*, 3, Москва, Ленинград, 1940, 205–224.

РЖИГА 1959А

РЖИГА В. Ф., "О Софронии Рязанце", в: *Повести о Куликовской битве*, Москва, 1959, 401–405.

— 1959Б

РЖИГА В. Ф., "Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х гг. XIV в.", в: *Повести о Куликовской битве*, Москва, 1959, 377–400.

СЕДЕЛЬНИКОВ 1930

СЕДЕЛЬНИКОВ А. Д., "Где была написана «Задонщина»?", *Slavia*, 9/3, 1930, 524–526.

СМЕТАНИНА 1995

СМЕТАНИНА С. И., "Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству", в: *Архив русской истории*, 6, Москва, 1995, 49–80.

СМИРНОВ 1913

СМИРНОВ С., *Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта*, Москва, 1913.

СОЛОВЬЕВ 1958

СОЛОВЬЕВ А. В., "Автор «Задонщины» и его политические идеи", в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, Москва, Ленинград, 14, 1958, 183–197.

ТВОРОГОВ 1966А

ТВОРОГОВ О. В., "О композиции вступления «Задонщины»", в: "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени создания "Слова", Москва, 1966, 526–532.

- 1966б
Творогов О. В., “«Слово о полку Игореве» и «Задонщина», в: *«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени создания «Слова»*, Москва, 1966, 292–343.
- 1995
Творогов О. В., “Владимир Святославич”, в: *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*, 1, С.-Петербург, 1995, 208–210.
- Тихомиров 1959
Тихомиров М. Н., “Куликовская битва 1380 г.”, в: *Повести о Куликовской битве*, Москва, 1959, 345–376.
- 1979
Тихомиров М. Н., “Список русских городов дальних и ближних”, в: Он же, *Русское летописание*, Москва, 1979, 83–136.
- Тропин 1992
Тропин Н. А., “Елецкая земля в XII–XVI вв. (по письменным источникам)”, в: *История и культура Ельца и Елецкого уезда. Материалы краеведческой конференции*, Елец, 1992, 27–41.
- Урланис 1960
Урланис Б. Ц., *Войны и народонаселение Европы*, Москва, 1960.
- Успенский 2004
Успенский Б. А., “Когда был канонизирован князь Владимир Святославич?”, в: Он же, *Историко-филологические очерки*, Москва, 2004, 69–122.
- Флоря 1978
Флоря Б. Н., “Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в.”, в: *Славяне в эпоху феодализма*, Москва, 1978, 182–189.
- Фомин 1999
Фомин Н. К., “Топоним «Куликово поле» по документам XVI–XVII вв.”, в: *Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля* (= Государственный музей-заповедник “Куликово поле”. Научные труды, 2), Москва, Тула, 1999, 34–39.
- Хорошкевич 1980а
Хорошкевич А. Л., “О месте Куликовской битвы”, в: *История СССР*, 4, Москва, 1980, 92–106.
- 1980б
Хорошкевич А. Л., “К взаимоотношениям князей московского дома во второй половине XIV – начале XV вв.”, *Вопросы истории*, 6, 1980, 170–174.
- Цатурова 1991
Цатурова М. К., *Русское семейное право XVI–XVII вв.*, Москва, 1991.
- Шамбинаго 1906
Шамбинаго С. К., *Повести о Мамаевом побоище*, С.-Петербург, 1906.
- Шватченко 1990
Шватченко О. А., “Местонахождение пограничного города-крепости Чур-Михайлова и памятники Куликовского цикла”, в: *Куликово поле. Материалы и исследования* (= Труды ГИМ, 73), Москва, 1990, 97–100.
- Экземплярский 1891
Экземплярский А. В., *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, 1238–1505 гг.*, 2, С.-Петербург, 1891.
- Янин 2003
Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.
- Wójtowicz 1986
Wójtowicz M., *Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.* (= Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Seria filologia rosyjska, 21), Poznań, 1986.

References

- Aleksandrov D. N., Mel'nikov S. A., Alekseev S. V., *Ocherki po istorii kniazheskoi vlasti i upravleniya na Rusi v XI–XV vv.*, Moscow, 1995.
- Aleksandrov D. N., Mel'nikov S. A., Bledny S. N., *Velikokniazhheskaia vlast' v Srednevekovoi Rusi. Ocherki istorii i prava*, Moscow, 2003.
- Amel'kin A. O., Seleznev Yu. V., "K voprosu o forsirovanii kniazem Dmitriem Ivanovichem Dona 7 sentiabria 1380 g.," in: *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya*, 4, Tula, 2009, 170–174.
- Dmitriev L. A., "Vstavki iz «Zadozhshchiny» v «Skazanii o mamaevom poboishche»," in: *Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni sozdaniia «Slova»*, Moscow, Leningrad, 1966, 385–439.
- Dmitriev L. A., "Istoriia Pamiatnikov Kulikovskogo tsikla," in: *Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve*, D. S. Likhachev, ed., Moscow, 1982, 306–359.
- Dmitriev L. A., "Zadozhshchina," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: *Vtoraia polovina XIV – XVI v.*, 1, Leningrad, 1988, 345–353.
- Dmitrieva R. P., "Vzaimootnosheniia spiskov «Zadozhshchiny» i tekst «Slova o polku Igoreve»," in: *Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni napisaniia «Slova»*, Moscow, Leningrad, 1966, 199–263.
- Dmitrieva R. P., "Priemy redaktorskoj pravki knigopistov Efrosina (k voprosu ob individual'nykh chertakh Kirillo-Belozerskogo spiska)," in: *Slovo o polku Igoreve» i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni napisaniia «Slova»*, Moscow, Leningrad, 1966, 264–291.
- Dvornichenko A. Yu., "O zhalovannoi gramote Olega Ivanovicha Ol'govu monastyriu," in: *Srednevekovaia i novaia Rossiia*, St. Petersburg, 1996, 296–306.
- Evseeva L. M., Lidov A. M., Chugreeva N. I., *Spas Nerukotvornyi v russkom iskusstve*, Moscow, 2005.
- Floria B. N., "Velikoe kniazhestvo Litovskoe i Riazanskaia zemlia v XV v.," in: *Slaviane v epokhu feodalizma*, Moscow, 1978, 182–189.
- Fomin N. K., "Toponim «Kulikovo pole» po dokumentam XVI–XVII vv.," in: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediiia Kulikova polia (k Gosudarstvennyi muzei-zapovednik "Kulikovo pole."* Nauchnye trudy, 2), Moscow, Tula, 1999, 34–39.
- Glasko M. P., Golyeva A. A., Sycheva S. A., Burova S. V., "Landshafty Donskogo poboishcha: vozvrashchenie utrachenno," in: *Kulikovo pole i Donskoe poboishche 1380 g.* (= Trudy GIM, 150), Moscow, 2005, 227–256.
- Gonyany M. I., Aleksandrovskiy A. L., Glasenko M. P., *Severnaia lesostep' basseina Verkhnego Dona vremeni Kulikovskoi bitvy*, Moscow, 2007.
- Gorsky A. A., "Slovo o polku Igoreve" i "Zadozhshchina". *Istochnikovedcheskie i istoriko-kul'turnye problemy*, Moscow, 1992.
- Gorsky A. A., "Vsego esi ispolnena zemlia Russkaia. . ." *Lichnosti i mental'nost' russkogo srednevekov'ia. Ocherki*, Moscow, 2001.
- Gorsky A. A., "Moscow «primysly» in the end of XIII–XV c. outside of Northeast Russia," in: *Srednevekovaia Rus'*, 5, Moscow, 2004, 114–190.
- Gorsky A. D., "Otrazhenie tataro-mongol'skogo iga v russkikh aktakh XIV–XV vv.," in: *Feodal'naia Rossiia vo vsemirno-istoricheskom protsesse*, Moscow, 1972, 48–58.
- Kagan M. D., Lurye Ya. S., "Efrosin," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: *Vtoraia polovina XIV – XVI v.*, 1, Leningrad, 1988, 227–236.
- Kashtanov S. M., "Finansovoe ustroistvo Moskovskogo kniazhestva v seredine XIV v. po dannym dukhovnykh gramot," in: *Issledovaniia po istorii i istoriografii feodalizma*, Moscow, 1982, 173–188.
- Khoroshkevich A. L., "O meste Kulikovskoi bitvy," in: *Istoriia SSSR*, 4, Moscow, 1980, 92–106.
- Khoroshkevich A. L., "K vzaimootnosheniiam kniazei moskovskogo doma vo vtoroi polovine XIV – nachale XV vv.," *Voprosy istorii*, 6, 1980, 170–174.
- Kirpichnikov A. N., "Velikoe Donskoe poboishche," in: *Skazaniia i povesti o Kulikovskoi bitve*, D. S. Likhachev, ed., Moscow, 1982, 291–306.
- Kisterev S. N., "Efrosin i «russkii letopisets»," in: *Letopisi i khroniki*, Moscow, St. Petersburg, 2008, 94–123.
- Kuzmin A. V., "Kniaz'ia Pronskie, boiare Monastyrevy i kniaz'ia Kusakovy — uchastniki bitvy na r. Vozhe v 1378 g. i ikh potomki v XV–XVI vv. (Istoriko-genealogicheskoe issledovanie)," in: *Verkhnee Podon'e. Priroda. Arkheologiya. Istoriia*, 2/2, Tula, 2007, 80–89.
- Kuchkin V. A., "Spodvizhnik Dmitriia Donskogo," *Voprosy istorii*, 8, 1979, 104–116.
- Kuchkin V. A., "Pobeda na Kulikovom pole," *Voprosy istorii*, 8, 1980, 3–21.
- Kuchkin V. A., "K datirovke Zadozhshchiny," in: *Problemy izucheniia kul'turnogo naslediiia*, Moscow, 1985, 113–120.
- Kuchkin V. A., "Pervaia dogovornaia gramota Dmitriia Donskogo s Vladimirom Serpukhovskim," in: *Zvenigorod za shest' stoletii*, Moscow, 1998, 11–64.
- Kuchkin V. A., *Dogovornye gramoty moskovskikh kniazei XIV v: vneshnepoliticheskie dogovory*, Moscow, 2003.
- Kuchkin V. A., "Dogovor 1372 g. velikogo kniazia Dmitriia Ivanovicha s Vladimirom Andreevichem Serpukhovskim," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 1 (27), 2007, 60–77.

Kuchkin V. A., "Dogovor 1372 g. velikogo kniazia Dmitriia Ivanovicha s Vladimirom Andreevichem Serpukhovskim (okonchanie)," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2 (28), 2007, 5–22.

Kuchkin V. A., Romanenko E. V., "Vladimir Andreevich," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 8, Moscow, 2004, 671–676.

Kuzmin A. V., "Riazanskie, pronskie i muromskie kniaz'ia v XIII – seredine XIV vv. (istoriko-genealogicheskoe issledovanie)," in: *Zapiski otdela rukopisei RGB*, 53, Moscow, 2008, 35–50.

Lavrentyev A. V., "K istorii Verkhnego Dona v XIV–XVI vv.," in: *Izuchenie istoriko-kul'turnogo i prirodnogo nasledia Kulikova polia*, Moscow, Tula, 1999, 40–72.

Lavrentyev A. V., *Epifan' i Verkhni Don v XII–XVII vv.*, Moscow, 2005.

Lavrentyev A. V., *Posle Kulikovskoi bitvy. Ocherki istorii Oksko-Donskogo regiona v poslednei chetverti XIV – pervoi chetveri XVI vv.*, Moscow, 2011.

Le Goff J., *Rozhdenie Evropy*, St. Petersburg, 2008.

Likhachev D. S., "O nazvanii «Zadonshchina»," in: *Issledovaniia po otechestvennomu istochnikovedeniiu*, Moscow, Leningrad, 1966, 474–475.

Likhachev D. S., "«Zadonshchina» i «Povest' o razorenii Riazani Bat'em»," in: *Drevniaia Rus' i slaviane*, Moscow, 1978, 366–369.

Likhachev N. P., *Razriadnye d'iaki XVI veka*, St. Petersburg, 2007.

Litvina A. F., Uspenskij F. B., *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2006.

Livi Bacci M., *Demograficheskaia istoriia Evropy*, St. Petersburg, 2010.

Mazurov A. B., "Sem'ia velikogo kniazia Dmitriia Donskogo," in: *Kulikovskaia bitva v istorii Rossii*, 2, Tula, 2012, ?–?.

Mazurov A. B., Nikandrov A. Yu., *Russkii udel epokhi sozdaniia edinogo gosudarstva: Serpukhovskoe kniazhenie v seredine XIV – pervoi polovine XV vv.*, Moscow, 2008.

Nasonov A. N., "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva, Moscow, 1951.

Nazarenko A. V., "Vladimir (Vasilij) Sviatoslavich," in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 8, Moscow, 2004, 690–703.

Oreshnikov A. V., *Russkie monety do 1547 g. i materialy k istorii russkoi numizmatiki dotsarskogo perioda*, Moscow, 2006.

Pashuto V. T., "Opyt periodizatsii istorii russkoi diplomatii (rannii i razvitoi feodalizm)," in: *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia*, 1982, Moscow, 1984, 6–25.

Podosinov A. V., "O printsipakh postroeniia i meste sozdaniia «Spiska russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh»," in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e*, Moscow, 1978, 40–48.

Prokhorov G. M., Salmiina M. A., "Slovo o zhit'i i prestavlenii velikago kniazia Dmitriia Ivanovicha,

tsaria Ruskago," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2: *Vtoraia pol. XIV–XVI vv.*, 2, Leningrad, 1989, 403–405.

Romanov B. A., "Elementy legendy v zhlovannoi gramote vel. kn. Olega Ivanovicha Riazanskogo Ol'govu monastyriu," in: *Problemy istochnikovedeniia*, 3, Moscow, Leningrad, 1940, 205–224.

Rzhiga V. F., "O Sofronii Riazantse," in: *Povesti o Kulikovskoi bitve*, Moscow, 1959, 401–405.

Rzhiga V. F., "Slovo Sofonii Riazantsa o Kulikovskoi bitve (Zadonshchina) kak literaturnyi pamiatnik 80-kh gg. XIV v.," in: *Povesti o Kulikovskoi bitve*, Moscow, 1959, 377–400.

Sedel'nikov A. D., "Gde byla napisana «Zadonshchina»?", *Slavia*, 9/3, 1930, 524–526.

Shvatchenko O. A., "Mestonakhozhdenie pogrannichnogo goroda-kreposti Chur-Mikhailova i pamiatniki Kulikovskogo tsikla," in: *Kulikovo pole. Materialy i issledovaniia* (= Trudy GIM, 73), Moscow, 1990, 97–100.

Smetanina S. I., "Riazanskie feodaly i prisоеdinenie Riazanskogo kniazhestva k Russkomu gosudarstvu," in: *Arkhiv russkoi istorii*, 6, Moscow, 1995, 49–80.

Soloviev A. V., "Avtor «Zadonshchiny» i ego politicheskie idei," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Moskva, Leningrad, 14, 1958, 183–197.

Tikhomirov M. N., "Kulikovskaia bitva 1380 g.," in: *Povesti o Kulikovskoi bitve*, Moscow, 1959, 345–376.

Tikhomirov M. N., *Russkoe letopisanie*, Moscow, 1979.

Tropin N. A., "Eletskaia zemlia v XII–XVI vv. (po pis'mennym istochnikam)," in: *Istoriia i kul'tura El'tsa i Eletskego uезда. Materialy kraevedcheskoi konferentsii*, Yelets, 1992, 27–41.

Tsaturova M. K., *Russkoe semeinoe pravo XVI–XVII vv.*, Moscow, 1991.

Tvorogov O. V., "O kompozitsii vstupleniia «Zadonshchiny»," in: "Slovo o polku Igoreve" i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni sozdaniia "Slova", Moscow, 1966, 526–532.

Tvorogov O. V., "«Slovo o polku Igoreve» i «Zadonshchina»," in: "Slovo o polku Igoreve" i pamiatniki Kulikovskogo tsikla. K voprosu o vremeni sozdaniia "Slova", Moscow, 1966, 292–343.

Tvorogov O. V., "Vladimir Sviatoslavich," in: *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve"*, 1, St. Petersburg, 1995, 208–210.

Urlanis B. Ts., *Voiny i narodonaselenie Evropy*, Moscow, 1960.

Uspenskij B. A., *Istoriko-filologicheskie ocherki*, Moscow, 2004.

Yanin V. L., *Novgorodskie posadniki*, Moscow, 2003. Wójtowicz M., *Drevnerusskaia antroponiimia XIV–XV vv.* (= Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Seria filologia rosyjska, 21), Poznań, 1986.

Zimin A. A., "Kratkie letopistysy XV–XVII vv.," in: *Istoricheskii arkhiv*, 5, Moscow, Leningrad, 1950, 3–39.

Александр Владимирович Лаврентьев, канд. ист. наук
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Факультет гуманитарных наук, Школа филологии,
ведущий научный сотрудник
Лаборатории лингвосемиотических исследований
105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
Россия/Russia
laurentius@list.ru

Received May 13, 2015